

Александр Андрюхин

КОГОТКИ ГАЛАТЕИ

Александр Андрюхин Коготки Галатеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40489569

ISBN 9785449621900

Аннотация

Талантливый художник мечтает научиться рисовать во сне. Он убежден, что человечество стоит на пороге открытия параллельных миров, путь к которым укажут живописцы, рисующие потустороннюю явь. Обе жены художника требовали, чтобы он бросил живопись и начал зарабатывать деньги. После разводов наш герой клянется никогда больше не жениться, но создает уникальную куклу, которая начинает приходить к нему во сне и постепенно подчиняет его волю. И вот однажды город потрясает жестокое тройное убийство...

Содержание

Часть первая	5
МУКИ ПИГМАЛИОНА	5
1	9
2	16
3	22
4	28
5	33
ТРОЕ ЗАРУБЛЕНЫ ТОПОРОМ	37
7	46
8	53
9	58
10	62
11	67
12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Коготки Галатеи

Александр Андрюхин

© Александр Андрюхин, 2019

ISBN 978-5-4496-2190-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

МУКИ ПИГМАЛИОНА

Следователь В. А. Сорокин

Убитых в доме оказалось трое, а не один, как утверждал свидетель из соседнего дома. Первый лежал при входе. Его лицо было изрублено до такой степени, что походило на бесформенный кусок мяса. Только по удостоверению в кармане мы определили, что тело принадлежит члену совета директоров фармацевтического акционерного общества «Симбир-Фарм» С. В. Клокину. По данным экспертов, пострадавший получил пять ударов топором: три по лицу и два по темени. Кроме того, у убитого перебит позвоночник в районе поясницы. В карманах жертвы найдено пятнадцать тысяч долларов.

В гостиной за столом в сидящем положении обнаружены еще двое. У них проломлены черепа. Они получили по одному, но очень сильному удару, очевидно, тем же орудием. Смерть у обоих наступила мгновенно. По всей видимости, преступник был в состоянии сильного аффекта.

Один из трупов в гостиной принадлежал хозяину

этого дома, главе фармацевтической фирмы «Симбир-Фарм» А. П. Рогову, второй – его водителю Л. Н. Петрову. Правая рука Рогова сжимала газовый «Вальтер» с передернутым затвором и взведенным курком. Одна рука водителя держала рюмку, другая – вилку с нанизанным огурцом. На столе стояли три початые бутылки водки. При осмотре трупов, в карманах председателя АО было обнаружено восемнадцать тысяч долларов, у водителя – десять тысяч долларов. Кроме того, из нагрудного кармана рубашки Рогова изъяты алмазное кольцо и золотые серьги с рубинами.

Все трое погибли в состоянии сильного алкогольного опьянения. Предположительно, каждый выпил почти по литру. Под столом обнаружено пять пустых бутылок из-под водки. По словам соседа Чебыкина, пьянка в доме Рогова началась сразу после их приезда. А приехали они в начале одиннадцатого утра.

Орудие преступления не обнаружено. Также не были обнаружены отпечатки пальцев преступника. Обе двери, ведущие в дом, убийца открыл ногами, обувными в кроссовки, ориентировочно сорок второго размера. Следы тех же кроссовок найдены на крыльце и в гостиной. По ним можно судить, что убийца действовал в одиночку. Скорее всего, он был знаком с хозяином особняка.

По следам обуви убийцы можно произвести приблизительную картину происшествия. Немаловажно, что его появление в доме Рогова

никого не всполошило. Во всяком случае, при виде его водитель спокойно подцепил на вилку огурец и собирался опрокинуть очередную рюмку. То же самое, очевидно, намеривался сделать и член совета директоров. Но неожиданный гость завел разговор, который заставил хозяина дома залезть в карман, достать «Вальтер» и передернуть затвор. Двое других оставались невозмутимыми, что свидетельствует о том, что у преступника сначала не было в руках топора. Он его достал потом: либо из сумки, либо из-под куртки, но уже после того, как Рогов передернул затвор «Вальтера».

Неизвестный ударил Рогова сразу после того, как он взвел курок. Далее, не дав опомниться, он ударил и водителя. Клокин, судя по всему, бросился бежать, но у самого выхода преступнику каким-то образом удалось сбить его с ног. Думаю, что он метнул в него топор, причем с такой силой, что перебил позвоночник. Остальные пять ударов в лицо и темя убийца нанес уже после того, как жертва свалилась на пол. На все это у преступника ушло не более пяти минут. После чего он положил оружие убийства обратно в сумку, перешагнул через труп, наступив пяткой на кровь изрубленного им Клокина, и скрылся. Его следы затерялись в траве тотчас, как он сошел с крыльца. Также не было обнаружено никаких следов и за пределами двора. Приехал ли он на своей машине, на такси, или пришел пешком – установить не удалось.

По данным экспертов, тройное убийство было

совершено между 17:00 и 17:30. На место происшествия следственная бригада прибыла в 19:30. Вся областная милиция поднята на ноги. Личный состав ищет человека среднего роста, в кроссовках сорок второго размера со следами крови на одежде.

Итак, смерть Рогова и Петрова наступила мгновенно. Клокин скончался после пятого удара в темя. Странно, что соседи ничего не слышали. Однако между 17:00 и 17:30 они чувствовали какой-то специфический запах гари, исходящий с участка Рогова.

И действительно в саду рядом с мусорной кучей обнаружено кострище с горкой пепла, на котором лежала полубогоревшая пластмассовая канистра из-под бензина. Не исключено, что преступник, прежде чем покинуть место преступления, что-то сжег. По мнению экспертов, был сожжен большой кусок поролона. Также в пепле обнаружены клубок тонких проводов и расплавленные части от пальчиковой батарейки. Чтобы это значило?

28 августа 2000 года

Сегодня понедельник, двадцать восьмое августа двухтысячного года. На часах половина одиннадцатого. За окном темно и видны звезды. Сказать откровенно, я впервые в жизни вижу за окном звезды. До этого в ночном стекле я замечал только свой унылый силуэт, склонившийся над настольной лампой. Но не об этом сейчас речь. А речь о том, что моя жалкая сущность впервые в жизни ощутила потребность в писании дневника. Если бы я не сгубил душу, или сгубил ее хотя бы наполовину, тогда бы я бросился на колени перед иконой молить о прощении грехов. Но я не настолько глуп, чтобы не понимать, что мои грехи не входят в категорию прощаемых.

Итак, «я не преследую цель оправдать себя ни перед Всевышним, ни перед людьми». Это первое, что я записал в дневнике. Второе: «я не хотел бы, чтобы мои записки кто-нибудь прочел». Когда я почувствую, что мне приходит конец, я постараюсь их уничтожить. Третье: «несмотря ни на что, я снова начал осознавать себя. Я как будто заново родился. Точнее: наконец проснулся!» Вот же черт!

Это случилось в ванной, когда я в одежде и обуви стоял под ледяным душем. Я отметил, что сегодня утром уже стоял под этим душем, но это был не я. Вернее, я наполовину. Точнее, я полуспящий. И вот теперь пробудился. А до этого

я чувствовал, как мне молотят по щекам. Я еще подумал, что пробуждение в этом мире всегда происходит через какие-то шлепки.

Кстати, я где-то читал, что чем полнее пробужден человек, тем он больше помнит из своего детства. Толстой, к примеру, помнил, как его пеленали. Я же помню, как меня отпустили на Землю. Можете не верить. Это ровным счетом ничего не меняет ни во мне, ни в устройстве этого скучного мира.

Как сейчас себя вижу в каком-то сумрачном, густо населенном месте. Не могу сказать, что это за место и кем оно было населено, но даю голову на отсечение, что оно существует и по сей день, и что все это, о чем я рассказываю, происходило до моего рождения. Наиболее характерные ощущения, оставшиеся в памяти, – тоска, безлюбобвье и вечное отсутствие света. Сзади смутно вырисовывался темный барак, коридоры которого уходили глубоко вниз. Меня вызвал на поверхность какой-то старичок в холщовой рубаше, которая была выпущена поверх его льняных портков. Когда я вышел, он хмуро приблизился ко мне и как-то очень просто и буднично произнес:

– Собирайся, пойдешь на Землю.

– Кто? Я?

– Не я же.

– Вы это серьезно?

– Серьезнее некуда.

– Вот же черт! Учитель! Как я счастлив!

– Не поминай черта всеу!

– Вы отпускаете меня с миссией?

– Отпускаю в последний раз.

– А дальше?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Значит, я доживу там до старости?

– Если не убьют.

– Что вы такое говорите, учитель? Неужели там убивают?

– Случается. Иногда даже топорами?

«Какое же там все-таки варварство, – подумал я, но следом прогнал эту мысль прочь. – Пустяки! Любое варварство можно скрасить любовью...»

И в ту же минуту из барака выпорхнула встревоженная девушка, той самой первозданной красоты, к которой всегда стремилась моя душа. Она ласково обняла сзади, и мою сущность обволокло сладкой истомой. Эта была она. Но, боже мой, почему я об этом догадался только сейчас? Тогда бы моя жизнь не закончилась так глупо! Однако даже она не заронила во мне ни капли сомнения в необходимости командировки на Землю. Старик отвел глаза и треснувшим голосом прошамкал:

– Но, учти, она останется здесь. Ты будешь искать ее и не найдешь, а похожие на нее будут приносить тебе страдания...

Страдания? Какой вздор! Страдание – выдумки непро-

светленных людей. К тому же физические страдания – это ничто по сравнению с вечными сумерками и безлюбовью...

Однако, что за черт? Кто так остервенело молотит меня по щекам? Пришлось сделать усилие, чтобы разлепить веки. И первое, что я почувствовал, невероятную тяжесть на сердце и бессмысленный шум в ушах. Я открыл глаза и сквозь туман увидел испуганное лицо соседки. Она тормозила меня за ворот. С ней было еще двое: дядя Коля, старший по дому, и дворник (не знаю, как зовут). Окна и двери были распахнуты настежь. Мою шевелюру шевелил сквозняк.

– Ну, слава Богу, ожил! – облегченно вздохнула соседка. – Мы думали, вам конец? Даже «скорую» вызвали.

– Что случилось, Марья Ивановна? – удивился я, с трудом отлепляя чугунную башку от рыхлой спинки кресла.

– Это вас нужно спросить, что случилось? – ответила Марья Ивановна сердито. – Вы чуть не взорвали весь дом. Ладно, вот Николай Петрович учуял запах газа. Ему скажите, спасибо! Это просто чудо, что ваша дверь оказалась незапертой. А то мы уже приготовились ломать. А если бы кто-нибудь зашел с сигаретой в подъезд. Все – кранты! Разнесло бы к чертовой матери, как в Бийске. Как же вы так, Саша? От вас вроде водкой не пахнет.

Пришлось сделать изумленные глаза и кинуть взор на газовую плиту. Голова продолжала гудеть.

– Извините, Марья Ивановна. Я только что приехал из командировки. Не думайте, что я пьяный. Я просто устал, как

собака. Поставил на плиту кофеварку и сам не помню, как отрубился...

Убежавший кофе, который залил конфорку, красноречиво свидетельствовал об искренности моих слов. Старший по дому укоризненно покачал головой и нравоучительно изрек, что лучше бы я напился, тогда бы возможно подобного не случилось, поскольку алкоголь прочищает мозги. Пришлось долго извиняться, оправдываться и обещать, что впредь буду неукоснительно пользоваться его советом. Еще немного постыдив, делегация направилась на выход. Но, прежде чем исчезнуть окончательно, Марья Ивановна трижды обернулась и трижды напомнила, что своим нюхом спасла мне жизнь. Я трижды поблагодарил ее за нюх и, наконец, захлопнул за ними дверь.

После того, как они ушли, я поплелся в ванную, стараясь не глядеть в комнату, где у окна еще стояло ее кресло. От кресла нужно избавиться как можно быстрее. Оно, купленное когда-то в самом дорогом антикварном магазине, красноречиво свидетельствовало о моем падении.

Признаюсь, я слукавил. Конечно, я не помню, что было до моего рождения. Тот старик в холщовой рубахе и девушка, выпорхнувшая из барака, приснились мне после развода с моей первой женой. Но это не был сон. Это было воспоминание. Только сейчас начинаю соображать, зачем оно мне было ниспослано. Я даже вспомнил слова старика относительно моей первой жены.

– Что, не понравилось? – произнес он ворчливо, больше с равнодушием, нежели с укором. – А ведь я предупреждал, что ты не будешь счастлив...

После этого он сказал что-то очень важное, то самое, ради чего мне и приснился этот сон. Но я не принял его слова всерьез, и поэтому все забыл.

Я встал под холодный душ и вот тогда-то вдруг понял, что утром под ним стоял совсем другой человек, хоть и в моем обличии. Я недоверчиво себя ощупал. Затем внимательно всмотрелся в зеркало и увидел, что стою в одежде и кроссовках. Совсем спятил! В груди защемило так сильно, что я чуть не свалился на пол. Неужели я опять стал тем, кем был девятнадцать лет назад?

Девятнадцать лет назад мне было двадцать четыре. Я знал о жизни все. Был спокойным, улыбочивым, мудрым, а главное абсолютно уверенным в себе. Я четко осознавал, кто есть я и для чего был спущен на Землю? Именно тогда мне в руки и попался этот чертовый томик философа Юнга. Он предлагал написать пять пунктов, по которым я никогда не скачусь в Тартар, будучи уверенным в своей осознанности. Почти не раздумывая, я написал:

1. Я никогда не смогу убить человека.
2. Я никогда не смогу покончить жизнь самоубийством.
3. Я никогда не попаду в тюрьму.
4. Я никогда не стану жертвой страстей.
5. Я никогда всерьез не вживусь в этот мир, ибо он – всего

лишь мираж.

2

«Ибо он всего лишь мираж!» – с улыбкой повторял я, видя, как окружающее все более прирастают плотью к этой презренной материи. Но если бы только плотью. Они врастают в нее всей своей бессмертной сущностью. Неужели никто не видит, что жизнь в материи ничтожна и коротка, а сама материя не более чем песок? Можно ли всерьез вживаться в то, что течет и сыплется?

Человеческую жизнь я всегда представлял в виде разового выезда на пляж. Привезли, скажем, к морю отдыхающих. Самые умные бросились резвиться, купаться и загорать. Самые глупые принялись занимать и огораживать участки, объявив их своей собственностью. Весь день их прошел в недовольстве и тяжбах с соседями. Возможно, к вечеру кому-то из них и удалось доказать свое право на жалкий клочок берега, но уже пора уезжать. И самыми счастливыми оказались те, кто не теряли времени на дележку песка, которого и без того навалом, а занимались тем, ради чего и прибыли к морю: наслаждались солнцем, волнами и свободой. Вся человеческая история – это бессмысленная дележка песка.

Мог ли при таком отношении к жизни я когда-нибудь всерьез вжиться в этот мир? Никогда! Однако вжился. И вжился с кровью. И все из-за этой мерзавки Галатеи.

Но если быть справедливым до конца, нельзя не сказать,

что мое падение началось задолго до Галатеи. К нему меня шаг за шагом подталкивали две молодые женщины. Однако этих особ, из-за которых моя жизнь дала трещину, породила все та же пресловутая смертельная тоска.

«Знаете ли вы, что такое смертельная тоска? – спросил я в дневнике, обратившись неизвестно к кому. – Если не знаете – вы счастливейший из смертных». Насколько мне известно, она посещает не каждого? Безусловно, это привилегия художников, но опять-таки не всех, а тех, которые растрачивают свое время по пустякам.

Тоска накатывает преимущественно ночью, особенно после пустого бестолкового дня. Она обволакивает чем-то вязким и зеленым и начинает нашептывать, что жизнь не бесконечна, и ты в ней не вечен, а за гробом пустота. А ты, скорее, случайность под этим небом, апофеоз генетических ошибок, и как ты ни молод сейчас, все равно тебя не минует острая коса смерти.

И вот уже представляешь себя на белой простыне под тусклой лампочкой в кругу плачущих родных. За окошком темно, на душе темно, темно в углах твоей квартиры, в глазах близких и во всех развешанных над тобой картинах, составляющих некогда смысл твоего существования. И куда бы ты ни кинул взгляд в ту отвратительную минуту, отовсюду на тебя надвигается эта густая бездонная чернота. И вдруг прямо на глазах начинают чернеть ногти рук, замогильно леденеть ноги, потом мучительные судороги, и, наконец, кульми-

национный момент, когда язык (независимо от того, сколько ты трепал им в этой жизни) проваливается внутрь и за-тыкает глотку. В глазах чернеет окончательно, и не просто окончательно, а – на вечные века. И ты с тоской осознаешь, что через мгновение станешь роскошным кормом для червей, а этот мир как жил своей суетливой, торопливой, может быть, скучной, но все-таки солнечной жизнью, так и останется жить, и ничто в нем не изменится с твоим исчезновением...

Теперь я понимаю, что подобное снисходило ко мне как предупреждение за пассивность и лень. У каждого свой путь к спасению души. Мой – заключался в картинах. «Но ты транжиришь время, художник, а с ним рискуешь потерять бессмертие», – вот что не удалось мне услышать тогда. Ведь самое бесценное, что есть в этой жизни, – и есть время, отпущенное нам для совершенствования. И мой мастер не уставал повторять: «Не теряйте времени – творите! Не всем дано право творить. Вы это право заслужили прошлыми жизнями».

Но и без его наставлений я знал, что Божью искру, не подкрепленную трудом, ждет та же участь, что и костра, не подкрепленного дровами. Точнее сказать, что костер без дров вообще не может существовать. Словом, я трудился. Трудился дни и ночи. Боже, как добросовестно я трудился! И энергии было достаточно, и фантазии – хоть отбавляй.

Но что случилось на двадцать втором году от рождения

меня? Меня заметили. Меня назвали гением. Мне стали авансом возносить хвалы. Нет-нет, я не заболел звездной болезнью, как последний провинциальный идиот, а скажем мягко: «слегка прихворнул». И этого было достаточно, чтобы чуть облениться, или свысока взглянуть на своего собрата по кисти. Словом, я «дал слабинку», и расплата не замедлила явиться.

«Что в жизни никогда не остается в долгу, так это расплата за высокомерие», – записал я в дневнике, и в прихожей раздался звонок.

«А вот это уже излишне, – усмехнулся я. – Квартира открыта настежь». Я прошлепал в коридор и распахнул дверь. Передо мной стояла толстая медсестра, а из-за ее плеч выглядывал угрюмый санитар с носилками.

– Вы вызывали «скорую»? – спросила она.

– Нет, – ответил я кротко.

Сестра подозрительно взгляделась сначала в меня, затем в пространство за моей спиной и наконец остановилась взглядом на выбитом замке.

– Эта квартира восемь?

– Восемь, – подтвердил я.

– Здесь отравились газом?

Пришлось здесь круглые глаза и театрально втянуть голову в плечи.

– Вас дезинформировали. Здесь никто не отравлялся.

Медсестра повела носом и снова подозрительно посмот-

рела на раскуроченный замок.

– Странно, – произнесла она с раздражением. – «Неотложку» вызвала некая Мария Ивановна.

– Впервые о такой слышу, – развел я руками, невольно покосившись на соседскую дверь. «Не дай Бог, сейчас выглянет...»

Но она, слава Богу, не выглянула. И бригада скорой помощи, ворча и проклиная темноту в подъезде, отправилась обратно, на ходу грозя, что в это район они больше ни ногой.

После того, как дверь подъезда яростно хлопнула, я полез в шкаф, достал гвозди, молоток и стамеску. Все-таки нужно починить замок. Дверь, судя по всему, была выбита одним пинком. Сам замок почти не пострадал, если не считать легкого изгиба язычка. В основном пострадала скоба, да еще косяк, от которого отлетела щепка.

Скобу я выправил двумя ударами молотка, язычок одним. Щепку от косяка приложил к прежнему месту и забил гвоздями. Через десять минут запор был восстановлен. Мне всегда без труда удавались хозяйственные работы. Быт меня никогда не напрягал. Закрывшись на ключ, я положил инструмент на место и зашел в залу. Увидев пустое кресло, я застонал и снова убежал на кухню. Ничего не поделаешь. Придется спать на тесном кухонном диванчике. Раскрытая тетрадь под настольной лампой по-прежнему лежала на столе. Однако на чем я остановился? Ах да: на смертельной тоске.

Тогда в юности я неправильно истолковал нисходящую

на меня тоску. Я перепутал ее с одиночеством. Хотя только в одиночестве человек и способен по-настоящему творить. Не зря же Бог разрушил Вавилонскую башню, потому что не захотел принять коллективного творчества. И если сегодня вы спросить, откуда у меня взялась Алиса, семнадцатилетняя длинноногая акселератка, не лишенная некоторых прелестей, я могу ответить точно: ее породило одиночество.

Мне стукнуло двадцать четыре, когда мы столкнулись с ней на выставке одного новоявленного авангардиста. Сейчас затрудняюсь сказать, понравилась ли она мне? Тем не менее, из Дома Художника мы вышли вместе и побрели по сумрачному городу, беседуя о новых течениях в живописи, в которых она была абсолютной дилетанткой. Скорее всего, в ней что-то было, если за столько лет, перевидав множество красивых натурщиц, я решил пригласить в гости именно ее. А возможно так распорядилась судьба. Впрочем, в судьбу я тогда не верил. Точнее, верил, но не предавал ей значения...

Все! Хватит. Пора спать. Ведь завтра утром на работу.

Не раздеваясь, я лег на маленький диванчик, на котором можно поместиться только в скрюченной позе, и потушил настольную лампу. «Хлобыснуть что ли стакан водки для отрубона?»

3

В тот вечер было так же серо, как сегодня. Мы бодро топали по затихающему городу в мою однокомнатную «хрущевку», и я расплылся крылатыми притчами своего учителя о творческом расцвете гения. По его словам, расцвет художника приходится на возраст от тридцати двух до тридцати восьми лет.

– И если в этот промежуток времени ничего не создашь, то в сорок, милая, ловить уже нечего, – добавлял я. – Если бы Гоген ушел из дома не в тридцать пять, а четыремья годами позже, то мир бы уже никогда не увидел его великолепных картин.

Она слушала и кивала. Кивала и ни черта не понимала. Но все равно кивала, и я не мог определить, нравится мне такое послушное согласие, или наоборот? В тот вечер на меня напало небывалое красноречие. А почему бы не потрепаться после стольких лет молчания у мольберта? До начала моего творческого расцвета оставалось восемь лет, а до возраста Гогена одиннадцать. За это время можно нарастить такую технику, какая не снилась и Рафаэлю. А техника – фундамент любого дома. Что касается фантазий и способностей ухватить образ – их отсутствием я не страдал никогда.

В тот вечер я сам поражался своему красноречию. Возможно, в прошлой жизни я был ритором. Я заявлял, что

выше искусства может быть только само искусство. Я крыл последними словами Гегеля, который утверждал, что философия важнее искусства. Но философия находится всего лишь на плебейски умозрительном уровне, потому что требует слов, а там, за облаками, восприятие происходит через символы и образы, на которые открывает глаза прекрасное. Я наголову разбил Гете, полагавшего, что религия значительно выше искусства. Но к религии допускаются все, а к искусству избранные.

– Ведь быть талантливым, значит усечь те законы, по которым творился этот мир, а быть гением, значит творить собственные законы! – кричал я на всю улицу.

Кажется, я прошелся еще по Аристотелю, Дидро и Шеленгу. И, разумеется, всех их смешал с бульварной пылью. Зато обласкал старика Канта, который, как и я, полагал, что гении существуют только в искусстве. Закончил я все это выводом, что выше художников могут быть только Боги. Но и подобная наглость не возмутила мою собеседницу. Она так же послушно кивнула, и после этого я замолчал надолго.

Однако у подъезда, когда я предложил ей послушать Вивальди, мой голос предательски дрогнул, и она не могла не догадаться, что Вивальди – всего лишь повод, чтобы заманить ее в дом. Она также послушно кивнула и жеманно отвела глаза.

Пожалуй, не нужно было приплетать сюда Вивальди. Зачем великих впутывать в свои мелкие похотливые делишки?

Между низким и высоким должна стоять четкая и жесткая граница. Теперь я это понимаю. А понимал ли тогда? Честно говоря, не помню. Но зато на всю жизнь запомнил, как екнуло в груди сердце, когда мы переступили порог моего жилища. Почему-то стало грустно, и я весь вечер не мог понять причину этой грусти.

Я ставил Корелли, Вивальди, Телемана, и она слушала с завидным вниманием. Я показывал свои работы, и она закатывала глаза. Я выбалтывал свои замыслы, о которых не рассказывал даже мастеру, – что мечтаю научиться рисовать во сне и, тем самым, пойти дальше тех итальяшек, царапающих что-то на тему снов в жанре сюрреализма. Ведь они воспроизводят всего лишь клочки воспоминаний из своих ночных блужданий. Я же собираюсь писать точную потустороннюю явь. Она распахивала ресницы и долго с изумлением смотрела в глаза.

Тоскливо пиликала скрипка Вивальди, и сердце сжималось от новой неведомой печали. И я не мог не уловить в своем любимом концерте для скрипки с оркестром какие-то нотки обволакивающей безысходности. Мы пили не очень хорошее вино и заедали не очень дорогими конфетами. А за окном темнело. Проигрыватель продолжал играть, и я томился ожиданием той минуты, когда она запросится домой. Спohватись она вовремя, я с готовностью проводил бы ее на любую окраину города и никогда бы потом не помышлял о встрече. От этой мысли на сердце щемит и по затыл-

ку бегут мурашки. Ведь тогда бы моя жизнь потекла совсем по иному руслу.

Но она продолжала кивать и закатывать глаза, будто совсем забыла о тикающих над головой часах. А после одиннадцати из нашего района не выберешься, а стрелки, между тем, крались к двенадцати. Черт! Как невыносимо тоскливо ныла скрипка моего любимого Антонио. И диван у меня всего один...

Она встрепенулась только в половине первого. Она не заставила себя долго упрашивать. Она странно и застенчиво посмотрела в глаза, затем попросила ночную рубашку...

Прокурору области

ст. советнику юстиции Л. Г. Уханову

Докладная записка

После отъезда следователя Сорокина, наша группа продолжала обследовать место происшествия. Неожиданно в доме обнаружили следы тех же кроссовок (сорок второго размера) около дивана, стоящего в гостиной в трех метрах от стола. Стало очевидно, что преступник, добив Клокина, не сразу вышел из дома, а сначала проследовал к дивану. На второй этаж преступник не поднимался. А как раз там, в спальней за картиной находился сейф. В нем лежало четыреста пятьдесят тысяч рублей. Но, видимо, преступника деньги не интересовали.

Также пятна крови обнаружены в гостиной на полу в двух метрах от Клокина. Кровь, очевидно, от топора,

который отлетел от спины жертвы. Убийца поднял его очень аккуратно, не задев паркет даже ногтем. Такое ощущение, что он наслаждался каждым своим движением. Добив Клокина, преступник, по всей видимости, положил топор в сумку, которая все это время висела у него на плече. Если бы он сунул топор за пояс, или продолжал держать в руках, то на пол бы накапала кровь.

По направлению его следов мы установили, что он направился не на улицу, а в глубину двора к мусорной куче. Канистра бензина стояла на пути его следования к кострищу. Однако следов кроссовок у кострища обнаружить не удалось из-за густой травы.

Возвратившись в дом, мы тщательно обследовали диван. Покрывало на нем было смято и пахло дорогой парфюмерией. Больше ничего особенного на диване обнаружено не было, но, когда мы сдвинули его с места, неожиданно увидели под ним бронированную дверь. Дверь была замаскирована под паркет и не сразу бросилась в глаза. Замок был гаражным. Нам удалось открыть замок и проникнуть внутрь. Это оказался подвал, три метра в высоту, три в длину и два в ширину. Он был совершенно пустым и почти весь (включая потолок), выложен белым кафелем. Пол из цельного листа нержавеющей стали. В середине пола – дыра диаметром десять сантиметров. В стену вмонтирован водопроводный кран. Ощущение в подвале странное – словно находишься в гигантской посудомойке. Судя по пыли, в подвал не входили

более пяти лет, а может и больше. Предназначение помещения крайне непонятно. Подвал напоминает патологоанатомическую лабораторию.

Судмедэкспорт считает, что убийца либо мясник, либо патологоанатом. Два удара – и две черепных коробки пополам. Это под силу не каждому. На третьем он, видимо, выместил всю свою злобу.
P.S.

С правой стороны дома расположена дверь основного подвала. Его площадь около тридцати квадратных метров. Он почти пустой, если не считать четырех мешков с цементом, двух пустых бочек и нескольких лопат. Однако с левой стороны от входа мы обнаружили железную дверь с бетонным покрытием. Покрытие явно служило маскировкой. Нам удалось открыть дверь и проникнуть внутрь. Помещение оказалось простой кладовкой, площадью около десяти квадратных метров. В ней обнаружен льняной мешок с трикотажными изделиями.

*Начальник экспертного отдела
советник юстиции А. В. Звонарев
28 августа 2000 года*

На следующий день я проснулся с тяжелой головой. Черепушка раскалывалась. Я вышел из сна, точно выполз из глухого погребца с потайной дверью. Никогда еще утро не было для меня таким беспросветным. Даже мир снов отвернулся от меня, потому что в эту ночь мне не снилось ничего.

Я механически сполз с дивана и поплелся в ванную, стараясь не смотреть в зал, где стояло это ужасное кресло. Встав под душ, я начал раздумывать над тем, какой придумать повод, чтобы не пойти на работу. Вчера я нарисовался довольно основательно, а значит, все уже знают, что я приехал. Ничего не поделаешь: как говорится, нужно продолжать жить.

На автопилоте я пожарил яичницу, проглотил ее без всякого аппетита и вышел из квартиры. На лестнице мне попался дядя Коля, старший по дому. Он посмотрел на меня не очень доброжелательно и спрятал руку в карман.

– Сегодня газ не оставили? – спросил он хмуро.

– Ну, что вы, дядя Коля.

– Смотрите, а то отключу.

Я почти уже вышел из подъезда, но тут внезапно вспомнил про кресло.

– Вам не нужно кресло на дачу? Бесплатно!

– Что за кресло? – заинтересовался дядя Коля.

– Старинное, красивое, крепкое. По-моему, даже из крас-

ного дерева.

Старший по дому изменился в лице.

– А оно вам не нужно, что ли?

– Абсолютно! Если у вас есть время, то я готов вернуться и показать. Если понравится, то сразу и заберете.

Мы поднялись с ним на мой этаж, вошли в квартиру и я указал пальцем на эту антикварную прелесть из княжеской усадьбы, как заверили в комиссионке. Дядя Коля долго с недоверием вглядывался в обшивку, щупал ножки, цокал языком и без конца переспрашивал, намерен ли я отдать эту рухлядь бесплатно, или все-таки дать на бутылку?

– Да берите, берите, какая к черту бутылка! – поморщился я, стараясь не глядеть на кресло. – Оно совершенно не вписывается в мой интерьер.

Старший по дому одобрительно кивнул, как бы подтвердив, что кресло в отличие от интерьера предполагает желать лучшего. Поразмыслил, чмокнул губами и, наконец, по-хозяйски вцепился в резные ручки под бордовым бархатом. Когда он вынес его на площадку, я вздохнул с облегчением. После чего мне пришлось еще минут пять стоять у окна, чтобы дать дяде Коле время спуститься с креслом на первый этаж. И только после этого я отправился на работу.

Я пришел с опозданием на десять минут, но едва переступил порог офиса, ко мне сразу же метнулись взволнованные сотрудники.

– Слышали новость?

– Нет. А в чем дело?

Глаза секретарши, казалось, сейчас лопнут от ужаса. Она наклонилась к моему уху и прошептала:

– Вчера нашего шефа зарубили топором. Прямо на даче в Красном Яре. А вместе с ним Лешу, водителя. И еще Клокина...

– Клокина? – вздрогнул я. – И тоже топором?

– Всех троих топором. А Клокина порубали на кусочки.

– Не может быть, – пробормотал я, почувствовав головокружение.

Моя реакция на сообщение возымела эффект, потому что на лице секретарши отразилось удовлетворение. С минуту я молчал, глядя в ее распахнутые глаза, затем сглотнул слюну и выдавил из себя:

– Откуда такие сведения?

– От милиционеров. Они приходили утром. И сегодня будут нас всех допрашивать. Составили список работников фирмы и велели начальству всех впускать и никого не выпускать.

– Какому начальству, если всех порубали? – пробормотал я и потопал в отдел.

В отделе никого не было. Как оказалось, все сотрудники отправились в зал заседания. Прошел слух, что именно там милиция начнет свои допросы. Пока же следователь отправился опрашивать родственников пострадавших.

Я подошел к столу, включил компьютер, чтобы написать

отчет о командировке, но махнув рукой, отправился в зал. На мой приход никто не обратил внимания. Только спросили вместо приветствия, известно ли мне, что произошло. Я кивнул и сел в кресло, а мои коллеги продолжили взволнованно обсуждать:

– Это дело рук красногорцев, – убежденно жестикулировал всезнающий Сабитов, начальник отдела сбыта. И все с ним соглашались. Один только юрист Захаров скептически пожимал плечами.

– Но зачем? Деньги же им вернули?

– Много ты знаешь в своем юридическом отделе! – побагровел Сабитов. – Вернули, да не вернули! Если к рукам Рогова что прилипнет, то хрен когда отлипнет. Так он тебе и перевел! Держи карман шире!

– Я лично убедил Рогова перевести все в полном объеме, и шеф согласился, – пожимал плечами юрист. – Насколько мне известно, шеф в этот же день подписал «платежку» на полтора миллиона. Вот Анна Петровна не даст соврать.

Все устремили взоры на главного бухгалтера, которая почему-то забилась в угол и, насупившись, смотрела в пол. Она растерянно обвела глазами присутствующих и как-то суетливо и очень неопределенно кивнула.

– Так были деньги переведены в Красногорск, или нет? – сдвинул брови Сабитов.

Бухгалтерша снова обвела присутствующих глазами, после чего ее испуганный взгляд остановился на Сабитове.

– Это не ваше дело, Виктор Павлович, – ответила она скороговоркой. – Ваше дело заниматься сбытом, а не лезть в финансовые дела. Вот, пожалуйста, идите и занимайтесь. В этом месяце вы недобрали сорок три процента от запланированного. А кто и за что убил нашего начальника, с этим разберется милиция.

После этого все возмущенно загалдели: одни встали на сторону Сабитова, другие на сторону Лебедкиной. Убийство начальства не могло не волновать. Ведь решалась судьба не только самой фирмы, но и ее сотрудников. Единственный, кто не участвовал в споре, это Гена Козлов. Он стоял у окна со скрещенными руками и смотрел на улицу. А ведь, пожалуй, только он мог внести ясность в это темное дело. Но так уж принято, несущий истину более молчалив, чем несущий вздор.

«Готовы ли вы говорить правду, только правду и ничего кроме правды?» – сурово спросил меня мой внутренний голос, когда выкрикнули мою фамилию. «Да! – мысленно воскликнул я. – Лгут из трусости, или из боязни чего-то потерять». Мне бояться нечего. Я уже все потерял. Единственное, что у меня осталась – эта сама жизнь, которой я больше не дорожу.

Именно с мыслями быть искренним я переступил порог кабинета нашего покойного шефа Рогова, в который по очереди приглашал следователь прокуратуры. На пороге я столкнулся с Козловым. Мы встретились взглядами, и он едва заметно усмехнулся. Я скорчил презрительную гримасу и вошел в кабинет.

За столом Рогова сидел белобрысый парнишка в очках лет двадцати семи, похожий на Шурика из «Кавказской пленницы». Я был наслышан о нем, как о самом крутом следователе в нашей области. Однако по виду не скажешь. Он кивнул на стул и первый протянул мне руку.

– Сорокин Валерий Александрович. Прошу.

– Ветлицкий Александр Викторович, начальник отдела планирования, – ответил я, неохотно тряхнув его кисть.

Он не очень долго всматривался в мою физиономию и как-то сразу по-деловому принялся сыпать вопросами.

Еще не успев расположиться на предложенном стуле, я безошибочно угадал, что моя персона не представляет для него интереса.

– В каких отношениях вы были с Роговым, – спросил он скороговоркой.

– Можно сказать, ни в каких, – ответил я. – Во всяком случае, в дружеских не был. Отношения у нас были чисто деловые...

– Тогда почему, когда на него «наехали» бандиты, он побежал искать защиты у вас? – сощурился следователь.

– Наверное, потому, что никакому рэкету не взбрдет в голову искать его у меня, – ответил я, пожав плечами. – Думаю, именно этим он руководствовался, когда отправлялся ко мне. А на самом деле, его ко мне послало проведение. Он мой злой рок. Не зря же его фамилия Рогов.

Откровение насчет рока и провидения не понравилось следователю. Он пристально посмотрел в глаза, пытаясь определить, не насмехаюсь ли я над ним? Ничего не определив, сыщик явно занервничал. Он сделался чрезвычайно серьезным и спросил с металлом в голосе:

– Говорил ли он вам, кто на него «наехал»?

– Нет! Кто заказал, говорил. Это представители Красногорского завода лекарственных средств.

– Вы в курсе дела, что за инцидент произошел в Красногорске, – шевельнул бровями следователь, продолжая сердито сверлить меня взглядом.

Мне ничего не оставалось, как театрально развести руками.

– Я знаю не больше других. Вряд ли я смогу добавить что-нибудь новое. С Красногорским заводом мы сотрудничаем давно. Месяц назад наш КамАЗ отправился туда за грузом. Как я слышал от ребят, они прибыли туда в обеденное время. Бухгалтерия обедала, а склад был открыт. Рогов договорился на складе, чтобы в целях экономии времени начали загрузку КамАЗа без документов. Вернутся с обеда бухгалтера – и оформят задним числом. КамАЗ загрузили лекарствами и выгнали за пределы предприятия, поскольку во дворе было тесно. Но оказавшись на улице, Рогов неожиданно приказал водителю гнать домой без всякого оформления. Красногорские коллеги позвонили только через три дня и потребовали перечислить деньги в полном объеме. Это полтора миллиона в рублях. Рогов прикинулся шлангом. Ответил, что в Красногорск он никакой КамАЗ не гонял, что ребята чего-то путают, и что если у них есть какие-то претензии к «Симбир-Фарм», пусть подают в суд. Сами понимаете, о каком суде может идти речь, если не отмечены даже путевые листы. На следующий день из Красногорска приехали два представителя, которые наивно попытались воззвать Рогова к совести. Но это также бесполезно, как взывать к совести каменную статую...

– То есть, действия Рогова вы считаете аморальными, – перебил меня следователь.

– А какими же мне их еще считать? – удивился я.

– Почему в таком случае вы продолжали работать в этой фирме? – строго спросил следователь.

– Наверное, потому, почему и вы продолжаете служить государству, которое десять лет назад предало национальные интересы граждан, – миролюбиво ответил я.

Следователь немного помолчал, затем продолжил более спокойным тоном.

– Значит, действие Красногорских гостей вы не считаете из ряда вон выходящими?

– Что они наняли рэкет? Вполне обыденное явление! А что им еще оставалось? Честно говоря, мне на это дело наплевать, поскольку дело меня не касается. Но если бы коснулось, я бы на их месте поступил также. Ни в милицию же обращаться!

Следователь удовлетворительно крякнул. Мой ответ ему понравился. Он перегнулся ко мне через стол и полушепотом спросил:

– По-вашему, Рогов был мерзавцем?

– Еще каким! – усмехнулся я. – Но почему по-моему? Так считают все.

– Считают все, но не все об этом говорят, – подмигнул Сорокин и откинулся на спинку стула. – А в каких отношениях вы были с Клокиным?

– Ни в каких, – ответил я, невольно вздрогнув от этой фамилии. – За пять лет работы в фирме я его видел только че-

тыре раза. Он возглавляет дочернюю фирму в районном центре.

– Понятно, а что вы можете сказать о моральных качествах шофера, который угнал КамАЗ?

– Угнать ему приказал начальник. Причем здесь моральные качества? – пожал плечами я.

– Я поговорил со всеми вашими водителями. Все уверяют, что никто, кроме Петрова, не стал бы выполнять такой приказ. Да и никому, кроме него, Рогов не посмел бы его отдать.

Я снова вздрогнул. Только сейчас до меня дошло, что зарубленный на даче водитель и есть тот тип, который угнал КамАЗ.

– Вы что же думаете, убийства связаны с угоном лекарств?

– Разумеется.

– Но ведь Рогов перегнал в Красногорск все до копейки. Лебедкина при мне перечислила на их счет полтора миллиона рублей.

– Как бы не так! – усмехнулся следователь.

ТРОЕ ЗАРУБЛЕНЫ ТОПОРОМ Идеи Раскольникова витают в воздухе нашего края

(газета «Симбирские Вести»)

Неведомое по своей жестокости преступление

произошло вчера вечером в селе Красный Яр. В особняке председателя АО «Симбир-Фарм» неизвестный зарубил топором троих работников вышеназванного предприятия: самого главу «Симбир-Фарма», хозяина особняка, его заместителя, директора дочернего предприятия в Чердаклинском районе и водителя. Как стало известно нашему корреспонденту, преступление было совершено около пяти вечера. В это время хозяин соседнего дома Леонид Чебыкин был во дворе и не слышал никаких звуков. В половине седьмого он обнаружил труп в доме своего соседа и сразу вызвал милицию. По словам очевидца, с потерпевшим он почти не общался, поскольку последний бывал в этом доме редко. Отдыхать Рогов предпочитал в другом загородном доме, а здесь появлялся не больше одного раза в месяц.

Вчера, по словам Чебыкина, около десяти утра во двор соседа въехал фиолетовый «Джип», и сразу после этого началась гулянка. Из-за забора доносились громкая музыка, пьяная речь и свисты. Где-то к полудню компания утихомирилась и принялась жарить шашлыки. После этого сосед еще некоторое время слышал их пьяные голоса, но ближе к пяти все утихло. В половине седьмого Чебыкин отправился к Рогову поговорить с ним по поводу совместного асфальтирования дороги. Калитка была открыта. Ничего не подозревающий сосед спокойно проследовал через двор к дому и постучался в дверь, которая тоже оказалась незапертой. Поскольку на стук никто

не откликнулся, Чебыкин толкнул дверь и увидел, что в прихожей лежит труп с кровавым куском мяса вместо головы. Сосед сразу побежал вызывать милицию. Приехавший милицейский наряд обнаружил в доме еще два трупа.

Работники прокуратуры комментировать происшествие отказались. Однако, как стало нам известно, расследование этого дела взял под контроль губернатор, поскольку преступление выходит за рамки своей ординарности. По нашим данным, следственная комиссия ежедневно отчитывается перед прокурором области.

Ничего подобного, в нашем сравнительно тихом регионе не наблюдалось уже с восемьдесят девятого года. Тогда в восемьдесят девятом горожан ошеломило расчленение четырнадцатилетней девочки Ольги Соколовой, части тела которой были обнаружены в разных концах города. Напомним, что аналогичных преступлений было два: в восемьдесят восьмом и восемьдесят девятом году. Обе жертвы были одного возраста и одного роста. У них был похожи глаза и волосы. Их обоих звали Ольгами.

Родители Ольги Соколовой после исчезновения дочери ездили к болгарской прорицательнице Ванге, и она предсказала, что «маньяк-потрошитель» будет пойман после третьего похищения девочки по имени Ольга.

Тогда расследование этих преступлений также было на контроле губернатора. После пропажи

Соколовой сняли с должности прокурора области и второпях обвинили водителя директора молокозавода Владимира Агеева. Обвинение было построено только на одном факте, что Агеев был частым гостем в доме Соколовых, а после исчезновения девочки, перестал приходить в гости. По нашим сведениям, это дело до сих пор не закрыто, а от водителя до сих пор не получено признания, несмотря на мощное психологическое давление. Подозреваемый все эти годы находился в психиатрической больнице имени Карамзина.

Не подобным ли путем собирается пойти нынешний прокурор? То, что прокуратура отказывается от комментариев, говорит о слабости следствия. Однако наша газета намерена провести свое независимое расследование. Уже удалось узнать, что подобные убийства не так уж новы для нашего региона.

В областном архиве хранится дело 1864 года, которым занимался известный симбирский следователь Иван Соколовский. Суть его такова: некий молодой человек нигилистских взглядов зарубил топором старуху-процентщицу и ее служанку с целью завладения ее сбережениями. Сделал он это с убеждением, что деньги ему, человеку передовых воззрений, принесут большие пользы, чем старушке. У многих горожан этот факт вызовет недоумение. Совершенно верно! Именно Соколовский рассказал Достоевскому об этом уголовном деле. В то время писатель работал над другим романом под названием

«Пьяненькие», где главным героем был Мармеладов. Однако роковая встреча с нашим земляком в корне изменила мысль его будущего произведения. Так что идеи Раскольникова еще витают в воздухе нашего края.

6

Меня целый день не покидало чувство какой-то животной недосказанности. Так бывает, когда задумываешь одну картину, а в результате получается другая, которая на ранг ниже той, которая представлялась в воображении. Я ушел от следователя крайне разочарованным, не сказав ему полной правды, потому что он не был к ней не готов. Оказывается, мало донести правду, к ней еще нужно подготовить. Она также как и человеческое общество подразделяется на высшие и низшие сословия. Что касается Рогова с Петровым, то они относились к самой низкой человеческой категории – к роду Ханаана. Одно непонятно, как в эту компанию затесался Клокин?

Вечером было тяжело возвращаться в свою однокомнатную келью. Можно, конечно, отправиться в ресторан, в общество, в народ. Можно, конечно, попить вина, потанцевать, подурачиться, снять, наконец, проститутку. Но моя душа (пусть даже уже загубленная) не нуждалась в удовольствиях. Она нуждалась в человеческом общении. Мне нужно было выговориться. Но перед кем? Перед иконой? Это уже невозможно. В Его глазах меня уже не существовало. Друзей у меня нет, а женщинам я не доверяю.

Войдя в квартиру, я сразу в плаще и обуви проследовал на кухню и записал в своем дневнике: «Друзей у меня нет, а женщинам я не доверяю». Почему не доверяю? Потому что вся моя жизнь – это последовательное разрушение моей личности женщинами.

Я опустился в кресло и задумался. Фраза, которую я записал в дневнике, была истиной в первой инстанции. Наверное, бывают и другие женщины, но мне были ниспосланы именно эти, растащившие мою душу на части. Я себя чувствовал цельным только тогда, когда бывал один. Бывать одному ужасно. Но для меня это единственный способ оставаться самим собой.

Впрочем, у меня с детства складывалось так, будто сама судьба предупреждала, что от совместного жития я буду иметь только страдания. Мне кажется, я поспешил появиться на свет. Возможно, мне готовилось более достойное рождение, но я был нетерпелив. Мне хотелось поскорее на Землю.

Родился я в Куйбышеве в одном из барачков Механического завода, в котором работал мой отец. В моей памяти его образ встает весьма смутно. Лица не помню совсем. Когда в подростковом возрасте матушка показала мне его фотографию, я был очень удивлен. В моем представлении он был совсем другим, более строгим и более серьезным. А так: простой самарский чувачек с глуповатой улыбкой и рыжей копной волос. Наиболее характерный портрет отца, оставший-

ся в моей памяти и дополненный моим воображением, – это высокий элегантный мужчина с накинутым на плечи пиджаком, гордо разгуливающий по коридорам барака. Самое яркое впечатление от общения с ним – порка ремнем. Он порол меня почти ежедневно, после того, как мы с матерью возвращались из детского сада. Порол по заднице, с наслаждением, зажав мою голову между колен. Процедура не самая приятная, однако запоминающаяся.

Помню, как мы с матерью бегали от него ночью. Это случилось неоднократно: он был страшным скандалистом и любил поддаться. Все эти скандалы, по словам матери, случались на почве ревности. Я даже помню, как он набрасывался на мать с ножом, но ей каким-то образом удавалось отбиться.

Словом, отец у меня всегда ассоциируется с водкой, скандалами и ремнем. Когда в анкете я подхожу к графе «сведения о родителях», моя рука без всякого трепета ставит на отце прочерк. Лучше вообще не иметь родителя, чем иметь такого. Словом, большой досады от того, что у меня практически не было папы, я не ощущал.

Когда мне исполнилось шесть лет, мы драпанули от него в Ульяновск, и тоже под покровом ночи. Это было окончательное наше бегство из Куйбышева. До этого они с матерью сходились и расходились несколько раз. В жизни у них что-то не ладилось, и они решили родить меня – для связки семейной жизни, как потом с юмором вспоминала матушка. Однако мое появление на свет не помирило родителей.

И если взять мой период жизни от рождения до шести лет, его можно охарактеризовать как одним сплошным переездам из Куйбышева в Ульяновск.

Не могу сказать, что я каким-то образом страдал от подобного кочевого бытия, переживал от скандалов, или испытывал стресс. Радость жизни, хлеставшая через край, помогала мне переносить все эти семейные неурядицы с удивительной легкостью. Месяца за три перед школой отец выкрал меня у матери и увез обратно в Куйбышев.

Случилось это в воскресенье. Мы с матерью мирно лежали на Свяжском пляже, и вдруг ее охватило беспокойство. Она поднялась и стала тревожно озираться по сторонам. После чего произнесла, зябко набросив халат:

– У меня такое предчувствия, что сейчас появится отец. Пошли-ка, дружок, домой...

Предчувствия ее не обманули. Не успел я выразить протест против возвращения домой, как появился он. Мой родитель элегантно шествовал по берегу с пиджаком через плечо и папиросой в зубах. Увидев нас, папашка приблизился, и они обменялись с матерью довольно сухими приветствиями. При этом глаза его сверкнули несусветным бешенством, и мать торопливо застегнула халат на все пуговицы.

Как я уже упоминал, мой родитель был чрезвычайно ревнив, и любое обнажение телес моей матери (даже на пляже) могло кончиться плачевно. А она была женщиной красивой и при фигуре.

Словом, до дома мы добрались хоть и в напряженном молчании, но без эксцессов. Они перекидывались рублеными фразами, а я шел посередине, сосредоточив внимание на самолетике, который вручил мне отец в качестве подарка.

Перед самой калиткой родители круто разлаялись. Мать забежала в дом и позорно закрылась на крючок. Чтобы дверь оказалась не выломанной, матушка прибегла к помощи деда. Дед вышел на крыльцо и послал отца... обратно в Куйбышев. Слова деда ввели моего родителя в окончательное уныние. Вот тогда-то он мне и сказал:

– Пойдем, я куплю тебе шоколадку. Только оденься.

Последнее показалось мне совершенно излишним. Я привык ходить по Ульяновску босым и в одних трусиках. Чем не одежда? Даже майка мне было не нужна. Тем не менее, спорить с родителем не стал. Зашел в дом, деловито напялил тенниску и шорты, влез босыми ногами в сандалии и, ни о чем не подозревая, побежал к отцу.

Самой странной в этой истории оказалась реакция моей матери, точнее, отсутствие какой-либо реакции. И еще полное равнодушие деда. Если последний всегда был несколько отстранен от мирской жизни (он был верующим, ходил в церковь и даже пел в церковном хоре), мать не могла не знать о коварстве своего мужа. Купив шоколадку, отец неожиданно предложил мне прокатиться на самолете. Против самолета я тоже ничего не имел, однако уточнил, сколько времени займет это удовольствие?

– Слетаем до Куйбышева и обратно. Вечером будешь дома, – ответил родитель.

Ответ меня вполне удовлетворил. Но в аэропорту в голову закрались сомнения по поводу возвращения домой к вечеру.

– Вернемся завтра! – не моргнув глазом, соврал отец.

Помню, этот перелет в Куйбышеве я перенес плохо. Меня тошнило и рвало. Я тогда конечно не понимал, что это знак моей предстоящей нелегкой жизни с отцом. Не знаю, как бы среагировала на мое исчезновение мать, если бы в Куйбышеве у барака меня случайно не увидела родная тетка.

– Ты разве здесь? – выпучила она глаза.

– Да! Меня папа прокатил на самолете. Завтра мы полетим обратно.

Она видимо и позвонила матери, сообщив, что со мной

все в порядке, мол, я при отце, и нет никакого повода для беспокойства. Тем более что не нынче завтра отец отвезет меня обратно. Однако ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю, ни через месяц назад он меня не отвез. А мать забрать меня обратно почему-то не спешила.

Впрочем, жизнь с отцом была для меня не столь уж и обременительна. Родитель с утра отправлялся на работу: давал мне сорок копеек на пирожки и исчезал до позднего вечера, а иногда – на несколько суток. После работы он непременно загуливал, а я покупал себе мороженое и сто грамм карамели. Мне хватало, чтобы не умереть с голоду. Питался ли я чем-нибудь еще, честно говоря, не помню. Но то, что я голодал, этого в памяти не отложилось. Также не отложилось и ничего негативного по поводу моей беспризорности: мне было все хорошо, даже когда я остался в бараке один одинешенек.

Это случилось месяца через два, после моего приезда. Барак, в котором мы жили, на моих глазах начали разбирать. Из него уже выехали все соседи, вывезли всю мебель и выкрутили все лампочки с патронами, а отец все не появлялся. Только тогда, когда обрушили полбарака и разобрали крышу, он, наконец, соизволил выйти из-за гула, и мы переехали в отдельную квартиру. Там, я совсем не помню отца. Квартиру помню, отца – нет. Кажется, он даже перестал приходить домой ночевать. Рассказывали, что я до самой ночи слонялся по двору, а потом забирался на пятый этаж, садился на сту-

пеньки и засыпал.

Но все когда-то кончается. И моя вольная Куйбышевская жизнь тоже закончилась. Как-то утром я сидел на подоконнике и смотрел на прохожих. И вдруг не поверил глазам: по улице, как ни в чем не бывало, вышагивал дед. Я так закричал, что качнулись верхушки лип. В ту же секунду я выпрыгнул из окна (к счастью, мы жили на первом этаже) и радостно кинулся ему в объятия. Мне и по сей день кажется, что не заметь я его тогда, он бы прошел мимо.

Дед увез меня обратно в Ульяновск, так и не зайдя в квартиру и не поговорив с отцом. Впрочем, в этом не было необходимости. Его все равно не было дома, а все мое, тениска, шорты и сандалии на босу ногу, было на мне. С тех пор я отца не видел.

И слава Богу! Поскольку в нем я абсолютно не нуждался. Позже у меня был отчим. Никакой особой радости от его появления я не испытывал, как, впрочем, и досады, хотя моя личность в глазах матери как-то резко поблекла и отодвинулась на второй план. Не знаю, возлюбила ли она его как саму себя, но все внимание теперь уделялось этому чужому дяденьке. Лучшие куски доставались ему, а на меня была взвалена вся грязная домашняя работа. По дому отчим принципиально ничего не делал. Он целыми днями валялся на диване, на котором раньше валялся я, и почитывал газеты. Когда матери не было дома, он жарил себе мясо, а потом бесшумно ел со сковородки, прикрывшись газетой, чтобы я

не видел. Но мог бы и не прикрываться: к мясу я был равнодушен, как, впрочем, и ко всем удовольствиям, связанными с тревоугодием.

Мне вообще было несвойственно чувство обиды. Мне все было прекрасно. Мне всегда и везде и со всеми было уютно и весело. Я не испытывал никакого ущемления от того, что моей персоне не оказывали должного внимания. Черт с ним, с вниманием! Жизнь и без внимания стоящая штука!

Мать рассталась с отчимом через пять лет. Нельзя сказать, что с его уходом я ощутил какую-то утрату. Более того, я, кажется, испытал радость, несмотря на то, что он забрал магнитофон и мопед. Так что слово «отец» для меня, скорее, что-то чужеродное, нежели родное. Без мужчины в доме я чувствовал себя более комфортно. А вот без матери мне приходилось туго.

Все мое детство можно разделить на два этапа. Первый, ранний – это вечное опасение, что отец выпорет ремнем, второй, поздний – это вечное ожидание матери.

После того, как дед привез меня в Ульяновск (и то только потому, что мне нужно было в школу), мать определила меня в интернат.

Я ждал ее по средам, когда был родительский день. Ждал со страхом, потому что на меня жаловались. Я был очень энергичным и подвижным. Почему-то мое бурное проявление жизнерадостности воспитатели воспринимали как хулиганство. Сколько себя помню, я всегда стоял в углу и ковы-

рял штукатурку, пытаюсь таким образом изобразить на стене что-нибудь художественное. За это меня наказывали еще кручи: ставили на всю ночь в коридор, или лишали ужина. И к тому и к другому я относился с английским спокойствием. Что делать? Искусство требует жертв!

На выходные меня забирали домой. Если за мной приходил дед, это был праздник. Все, что ему высказывали относительно моего поведения, он пропускал мимо ушей. Мать же меня отчитывала, награждала затрещинами и в наказание запрещала смотреть телевизор. Однако она сердилась недолго. Кормила и выпроваживала на улицу. Затем запирала дом и уходила, напомнив, что скоро должен вернуться дед. Но дед возвращался не скоро. После вечерни он любил забрести к какой-нибудь старушке, а я бегал по сугробам с деревянным автоматом и расстреливал врагов. Ближе к полуночи, перестреляв их целый дивизион, мне становилось немного тоскливо. Окна нашего дома по-прежнему оставались черными, а ноги и руки уже порядком качивали. Но тоскливо было не от мороза, а от одиночества. Я смотрел на луну, и мне казалось, что я один на всем свете. Однако в отчаянье не впадал, ибо всегда выходила соседка и, костеря мою матушку, брала к себе в дом. Соседи давали мне карандаш с бумагой, и я рисовал. Насколько себя помню, я всегда рисовал в ожидании мамы.

Следователь В. А. Сорокин

Конфликт между «Симбир-Фармом» и Красногорским заводом лекарственных средств мне до конца не понятен. В частности нет ясности в том, на каких условиях красногорцы согласились замять этот инцидент с КамАЗом, и замяли ли вообще? Думаю, об этом станет известно после допроса Мордвинова и Самойлова, сотрудников Красногорского завода, приезжавших разбираться. Они оба задержаны московскими коллегами и уже дают показания. Словом, я жду результатов.

Что касается Рогова, которого преступник зарубил первым, а это явное свидетельство того, что убийца охотился именно за ним, то его портрет в глазах подчиненных выглядит не очень симпатичным. У большинства допрошенных убийство их начальника не вызвало сочувствия. Многие предполагали, что именно этим и закончится его карьера. Махинация с КамАЗом также никого не удивила. По словам работников «Симбир-Фарма», для их шефа подобный инцидент – вполне заурядный случай. Рогов никогда не упускал случая прихватить то, что плохо лежало. В большинстве случаев это сходило ему с рук. Но красногорцы оказались упорными. Они «наехали» на Рогова так энергично, что для него, как свидетельствует охрана, это явилось неожиданностью. Поэтому он так быстро и пошел на пятую, распорядившись оформить сделку документально.

Я ознакомился с договором и платежами.

По документам деньги за товар были перечислены 27 июля, но возможно Красногорцы потребовали возмещение убытков.

Не удивило сотрудников фирмы и убийство водителя Петрова. По их словам, он – любимчик Рогова, и поэтому в фирме на особом положении. Работает Петров с самого основания АО, и он на пару с шефом обделывал какие-темные делишки. Подробности еще не прояснены. Единственный, кто вызывает недоумение, – это Клокин. С ним Рогов не был в панибратских отношениях.

С Клокиным – полная неясность. Он уже больше двух недель находится в официальном отпуске. Его секретарь уверяет, что Клокин за границей. Во всяком случае, он туда собирался.

Удалось мне поговорить и с женой Роговой. По ее словам, в день убийства муж вышел из дому в семь утра, хотя обычно выходил в восемь. Его у дома ждала машина. Ровно в девять Рогов появился в фирме. Пробыл в ней не более пяти минут. Подписал четыре договора на поставку медоборудования и ушел, приказав бухгалтеру оформить двухдневную командировку ему и Петрову. По словам секретаря, он был необычайно возбужден и очень спешил. Водитель Петров тоже заходил в офис выпить минеральной воды. Клокина никто не видел. Что-то здесь не так.

29 августа 2000 года

8

Я взял ручку и записал в дневнике: «Искусство – это всегда ожидание чего-то...» Немного подумав, я зачеркнул «чего-то» и написал «любимого человека». Все великие вещи написаны в ожидании любимого человека. Болдинская осень Пушкина – это ожидание встречи с Натали...

За окном уже стемнело. На небо высыпали звезды. В черном стекле, кроме настольной лампы, опять отражался мой унылый силуэт. Я снова не замечаю звезды, а вижу только себя. Зрелище не доставляет удовольствия. Мне уже сорок два. «Я больше никогда не возьму в руки кисть, не потому, что я больше ее не достоин, а потому что мне больше некого ожидать...» – написал я в дневнике.

Я поднялся и поставил на плиту чайник. Затем через силу залез в холодильник и достал кусок сыра. Без всякой охоты я сделал себе бутерброд и насыпал в чашку заварки. Есть совершенно не хотелось, как впрочем, уже не хотелось ничего. Когда говорят, что несмотря ни на что нужно продолжать жить, мои губы расползаются в понимающей улыбке. От нашего желания продолжение жизни не зависит. Жизнь идет сама по себе. Точнее – катится, и – все больше по инерции.

Итак, мой художественный дар стал проявляться еще в раннем детстве. Я всегда ожидал прихода матери то в интернате, то в больнице, то у соседей, то в пионерском лаге-

ре. Рисовал, чтобы убить время. И все мне задавали один и тот же вопрос: «Кто тебя учил рисовать?»»

Я пожимал плечами и напрягал лоб. Рисовать меня никто не учил. Это я помню хорошо. Прежде всего, потому что моим близким было не до меня. Рожденный для связки семьи и не выполнивший своей миссии, обязан родителям доставлять как можно меньше хлопот. Я это чувствовал, но хлопоты со мной были, прежде всего, из-за моей подвижности. Меня наказывали за все, даже за то, за что впоследствии восхваляли. В первую очередь – за рисование.

Надо сказать, что рисовал я весьма нестандартно. Например, когда требовалось изобразить весну, и все естественно рисовали солнце, ручьи и птиц, я рисовал румяную девушку с распущенными волосами в виде ручьев. Ее объятия были распростерты, глаза сверкали, а на устах сияла блудливая улыбка. За столь вольное толкование этого времени года, меня поставили в угол на полдня. Полдня – это пустяки. А стоять у доски – вообще удача. Когда учительница углублялась в чтение, можно было присесть на урну и отдохнуть. Правда, меня всегда выдавали одноклассники своим жизне-радостным ржанием, но я на них не в обиде.

А однажды на уроке рисования у меня что-то не получилось, и я закрасил весь лист черной краской. Если бы учительница имела представление о Малевиче, то поняла бы, что я в точности скопировал его Черный квадрат. Однако увидев мою копию, она, молча, схватила меня за ухо и лег-

ким движением руки направила в угол.

– Что ты этим хотел изобразить? – кричала потом завуч, тыча в нос моим Черным квадратом.

– Темную ночь... Только пули свистят по степи... – неуверенно отвечал я.

– И где же пули?

– Они только свистят. Звук пока еще не научились отображать в изобразительном искусстве...

За столь остроумный ответ, который почему-то сочли издевательством, меня лишили ужина.

Уже намного позже, лет в семнадцать, мои авторские пояснения к картинам стали слушать более внимательно. Выставлять меня начали довольно рано, лет с пятнадцати. И больше всего народа собиралось у моих работ.

– Почему у вас деревья с руками и головами? – сердито допытывался один известный искусствовед регионального значения.

– Это не деревья, это люди, – отвечал я. – Точнее, символ людей. Они корнями вросли в земную жизнь, а сами тянутся к небу...

– Лично я не тянусь к небу, – презрительно скривил губы критик. – А это что за святотатство? Сквозь осыпанную икону проступает голая девица.

– Это Вавилонская блудница, – миролюбиво пояснял я, давя в себе раздражение от тугоухости регионального искусствоведа. – Человечество прошло сложную эволюцию

от примитивного плотского влечения к сложному возвышенному чувству. И вот сейчас в духовной эволюции человечества наблюдается обратный процесс: все современное искусство направлено на то, что бы снова будить первобытные инстинкты...

– Что ты знаешь о человеческой эволюции? – презрительно фыркали критики, и в их глазах читалось: «Кто ты такой, чтобы сметь размышлять о таких глобальных вещах?»

Но я не размышлял. Я просто рисовал то, что видел. Что касается человеческой эволюции, то о ней я знал все. Нельзя сказать, что о смысле человеческой жизни я вычитал в теософской литературе, вовсе нет! Человеческую эволюцию я просто видел, как видят с самолета извилистую ленту реки или серебристую полосу железнодорожной линии. Я даже искренне удивлялся тем людям, которые не видели человеческой эволюции. Ведь это так очевидно.

Как можно ее не видеть, когда в духовной эволюции человечества наблюдается удивительная последовательность, несмотря на кажущуюся хаотичность и случайность. В истории нет места случайностям. Каждая эпоха в духовную копилку человечества опускала что-то свое. Греки принесли на землю понятие красоты, христианство – понятие любви, были времена, когда человек осваивал другие моря и континенты, но сейчас он стоит на пороге освоения других миров. Если это кто-то связывает с космическими полетами, то сильно ошибается. Технический прогресс только тормозит

духовное развития человека разумного. Что принесли ему эти сорок лет полетов на ракетах за пределы нашей атмосферы: счастье, прозрение, доброту? Может, просветление, может, миропонимание? А может, новое направление в искусстве? Пожалуй, если за его высшее проявление считать тех космических уродов, которых расплодил Голливуд.

Едва на следующее утро я переступил порог офиса, ко мне сразу метнулась секретарша с розовым от волнения лицом.

– Слышали новость? Лебедкину арестовали.

– За что? – изумился я.

– Как за что? – выпучила глаза Вероника. – Неужели не догадываетесь? Из-за нее грохнули нашего директора.

Я вздрогнул и увидел на лице девушки неопишное удовлетворение. Сказанное возымело эффект. Она с опаской повертела головой и, перейдя на шепот, поделилась секретной информацией:

– Оказывается, наша бухгалтерша не перевела деньги. Вернее, перевела, но не в Красногорск. Сейчас с этим разбираются финансисты из прокуратуры. Лебедкина там такое накуралесила.

– Она хотела их присвоить?

– Что вы? Просто прокрутить. А впрочем, – Вероника бо-язливо оглянулась, – возможно, и присвоить. Она такая. Решила, значит, под шумок воспользоваться. Думала, если Рогов пошел с красногорцами на мировую, значит, они отозвали рэкет. А если отозвали, то месяцок подождут, никуда не денутся. Оказывается, нет! Не такие уж бараны, наши коллеги. Одобряю! Молодцы ребята!

Тут откуда-то вынырнул юрист.

– Хватит трепаться, Вероника! Не могли убить рэкетирь! – вмешался он в разговор. – Не разноси сплетни. Просто смысла не было красногорцам снова обращаться к рэкету.

– Не скажите, Валерий Павлович! Рэкетирь могли по собственной инициативе потребовать мзду?

– Не спорю. Может, и могли. Но зачем рубить топором? Думаешь, стволов у них нет?

Юрист махнул рукой и исчез. А я отправился в отдел. В отделе сотрудники хоть и сидели на своих местах, но никто не работал. Некоторые даже не соизволили включить компьютеры.

– Кто теперь будет нашим директором? – с тоской вздохнула Маша, полируя пилочкой ноготок.

– Не беспокойся, поставят! – ответил Виктор, не отрываясь от газеты.

– Кто поставит, кто? – распахнула ресницы Маша. – Все начальство поубивали, а фирма частная. Она принадлежала только Рогову. У него контрольный пакет.

Виктор оторвался от газеты.

– По закону, директора должны избрать акционеры.

– Умалю вас! О каком голосовании может идти речь? В нашей-то шарашке, Виктор Павлович, – плачущим голосом пропела Маша, не отрываясь от ногтей, – вы, как маленький, право. Теперь фирмой будет управлять жена Рогова. А скорее, ее любовник.

Виктор оторвался от газеты и внимательно посмотрел

на Машу:

– У нее есть любовник? Ты точно знаешь? Да ведь не знаешь. Я бы хотел посмотреть на того счастливчика.

– Скоро согласишься, – подмигнула Маша.

В это время зазвонил телефон. Маша сняла трубку и протянула ее мне.

– Вас, Александр Викторович. Из газеты.

Я взял трубку и нехотя поднес к уху. Мои коллеги насто-рожились.

– Это Ветлицкий? – борзо раздалось из телефона. – Я расследую обстоятельства гибели председателя вашей фирмы. До меня дошли слухи, что месяц назад, когда на Рогова «наехал» рэкет, он прибежал к вам прятаться. Это правда?

Прежде, чем ответить, я окинул взглядом сотрудников, которые все как один наострили уши. Мне совсем не хотелось разговаривать с репортером желтой газеты, тем более, не удосужившемуся представиться, но и отказывать было неловко.

– Я не имею право разглашать информацию, пока идет следствие, – соврал я.

– С вас взяли подписку о неразглашении? – изумились в трубке.

Я опять задумался. Если я скажу, что взяли, то газета этот факт раструбит на всю область, да еще подаст как сенсацию. В этой желтой прессе вечно недержание, как при несварении. Если я скажу, что никакой подписки с меня не брали,

то корреспондент не отвяжется. Тогда я решил сказать нечто нейтральное:

– Извините, но мне сейчас некогда. Начальство не одобряет, если мы в рабочее время обсуждаем посторонние темы.

Я положил трубку под явное одобрение коллег.

– Правильно! Нечего им давать информацию. Все равно перевернут, – закивал головой Виктор. – Читали, какой бред они написали во вчерашней газете? Кого только не приплели к убийству: и Соколовского, и Достовского, и губернатора. А прокуратуру просто смешали с дерьмом... Ну, про губернатора понятно. На носу выборы. А газета как бы в оппозиции...

– А про Олю-то к чему вспомнили? – захлопала глазами Маша. – Причем тут Оля?

– А при том! – отрезал Виктор. – Что эти газетчики готовы на все, лишь бы их читали. Весь мусор сгребли в кучу, только бы сделать сенсацию. Хоть бы пощадили родителей этой Оли...

Итак, она звалась Олей. Хотя себя называла Алисой. И всем знакомым представлялась исключительно Алисой. Про Олю я уже узнал потом, когда взглянул в ее свидетельство о рождении. Паспорта у нее почему-то не было. Алиса была высокой, тонкой, зеленоглазой, с кудрявой копной на голове, как после выяснилось – химией. (Свои волосы у нее были прямые и жидкие). Можно сказать, она была первая, кто положил основу к деформации моей личности.

Я не потерял себя ни в беспризорном детстве, ни в бесшабашной юности. Все несчастья и неурядицы, связанные с моей неустроенностью, только закалили меня. Более того, к пятнадцати годам Господь вознаградил меня за страдания. Он послал мне учителя.

Дмитрий Дмитриевич, преподаватель художественной школы, был единственным человеком, который относился к моим художественным хулиганствам серьезно. Серьезно ко мне не относилась даже мать. Она и по сей день считает меня шалопаем и всех подряд уверяет, что никакого Божьего дара у меня нет.

В детстве я мечтал ходить в художественную школу. Но это было решительно невозможно. Моя мать сэкономила каждую копейку, и на такую ерунду, как на занятия в художественной студии, тратиться не намеривалась. Я понимал это.

И даже не просил. Я занимался во дворце пионеров. Учителей там не было, но там хотя бы имелись краски и бумага. Меня широко выставляли на всяких районных выставках. Вот на одной из таких выставок в Доме Художника мою акварельную мазню и узрел Дмитрий Дмитриевич. Он разыскал меня через дворец пионеров и пригласил к себе в мастерскую заниматься бесплатно. Нужно ли описывать мою радость?

Весь мир вокруг преобразился. Во-первых, мастер начал сразу выделять меня из своих учеников. Во-вторых, ко всему, что я вытворял на холсте, он относился с чрезвычайным одобрением. В-третьих, он с уважением относился ко мне как к личности. И в-четвертых, он заставил меня поверить в мою значительность. Последнее было самым важным. Ведь до этого я чувствовал себя букашкой.

В мастерской я все схватывал на лету. Я напоминал влаголюбивое дерево, которое долго стояло без влаги и вот, наконец, хлынули дожди, и оно стало на глазах расцветать и наливаться соком. К двадцати годам я уже ощущал себя настоящим художником, а к двадцати двум даже снисходительно кивал, когда меня называли гением. Дальнейшая моя жизнь была предельно ясна и расписана по дням. Мою фамилию все больше ассоциировали с Сальвадором Дали, но для меня это было мелко. У Сальвадора Дали – вдохновение слепое, поэтому в большинстве его картин не следует искать глубокого смысла. Я же, берясь за кисть, всегда знал, что на-

мерен написать, и какой смысл будет означать каждый мой мазок. Смысл у меня имели не только композиционные строения, но и цвета, и даже полутона.

К двадцати четырем годам я достиг пика своего духовного расцвета, но именно в этот год судьба выкинула свой первый фортель. Я привел в дом Алису. Просто привел, чтобы притупить одиночество. А через месяц мы поженились.

Нет. Я не любил ее. Но с ней мне не было одиноко. С ней притупилась та тревога вечного неудовлетворения, которая без конца сверлила внутренности и не давала спокойно существовать. Пока моя юная жена только кивала и закатывала глаза, было еще терпимо. Но когда она воображала, что мир крутится исключительно вокруг нее, мои поджилки начинали трястись, а щеки пылать негодующим огнем. У меня и по сей день на скулах выступает румянец, когда я вспоминаю свое жалкое существование с ней.

Впервые зубы она показала в Алуште, куда мы имели неосторожность укатить на второй день после свадьбы. Сейчас не помню, какие она предъявила требования, но в сердце отпечталось, что их было неимоверное количество, и что они были настолько фантастичны, что начини их выполнять, то я сразу из художника превращусь в слабоумного пажа. Такое применение моего таланта показалось мне весьма расточительным, и с той минуты я начал тихо ее ненавидеть.

Но развестись с ней оказалось не так просто. При любом упоминании о разводе она с визгом выбегала из дома бро-

саться под машину, и я, невольный участник этого спектакля, срывался за ней следом. Разумеется, я возвращал ее обратно с дрожащим подбородком и заискивающими извинениями. И все опять начиналось сначала.

– Слушай, – спрашивал я ее по утрам. – Почему ты никогда не убираешься?

– А я тебе не служанка! – дерзко отвечала она.

– Я не прошу убираться за мной. Убирайся за собой. Я не могу работать в таком бардаке.

– Не работай! – хмыкала она и отправлялась на кухню варить себе кофе.

После этого Алиса уходила в свое медицинское училище, оставив на столе крошки и невытую кофеварку. А я оставался один в своей разгромленной квартире.

Мое священное жилище, где вынашивались идеи, пробуждались чувства и воплощались замыслы, теперь было поругано. Повсюду валялись предметы, далеко не способствующие возвышенному настрою души: заколки, чулки, туфли, бюстгальтеры. Я по сей день вздрагиваю, вспоминая этот бардак в квартире: вечно неубранную постель, вечно липкие полы, вечно залитая плита... Я хватался за голову и стонал. Я стонал каждое утро, оставшись один, и клял тот день, когда потащил ее в ЗАГС.

Боже мой, какой же я был осел! Зачем нужно было расписываться? Самое печальное, что я первый завел разговор о женитьбе. А все потому, что после того вечера, с Вивальди

и Телеманом, она целую неделю безвылазно прожила у меня. «Что скажут ее родители?» – с тревогой думал я. К тому же, на шестой день я выяснил, что она несовершеннолетняя. Так и есть, сначала меня убьют ее родители, а потом посадят за соращение малолетних. Вернее, сначала посадят, а потом убьют на зоне. Смерти я не боялся. Но на зону мне было нельзя. Ведь буквально за две недели до знакомства с ней я написал в третьем пункте юнговской анкеты: «Я никогда не попаду в тюрьму...»

Но лучше бы я попал в тюрьму, чем в этот переплет. С уголовниками всегда можно поладить. Я много их перевидал в детстве и юности. Большая часть из них – вполне милые люди, а некоторые даже были моими друзьями. Замочить они, конечно, могли, но на присвоение духовной свободы никогда не претендовали.

Итак, я первый заговорил с Алисой о женитьбе, в первую очередь потому, что как честный человек лишивший девушку невинности, был обязан на ней жениться. Сейчас, конечно, про свою виртуальную обязанность я вспоминаю с улыбкой. Во-вторых, меня все-таки волновали ее родители. Я наивно полагал, что они рвут и мечут, переживая недельное отсутствие дочери. Тогда я не знал, что ее родители алкоголики, и им безразлично, где ночует их единственное чадо?

Помню, как за неделю до росписи я сидел за столом с ее предками, и Алискин папашка, пьяно утирая слезы, глотал рюмку за рюмкой и с чувством хлопал меня по плечу: «Украл ты у меня дочь! Украл, как джигит из горного аула». Мамаша, приняв на грудь два стакана, все норовила вцепиться супругу в физиономию и, косясь на меня, ежеминутно восклицала: «Теперь у меня есть заступник! Теперь, скотина, ты вот где у меня будешь!»

Роль в качестве заступника меня не привлекала. Я рас-

терянно оглядывался на невесту и ждал момента, чтобы поскорей покинуть их квартиру. «Поспешил я с заявлением, – мелькнуло в голове. – Ой, как поспешил!». Ведь ее родителям все равно, где обитает их дочь. Как после выяснилось, Алисе тоже было до фени, как жить со мной – в официальном браке, или в гражданском. Она, оказывается, вообще не планировала выходить за меня замуж, прежде всего, по причине несовершеннолетия.

Тем не менее (не помню, как) в ЗАГСе нас расписали без каких-либо проблем, и мы закатили свадьбу. Сразу после свадебной гульбы характер моей супруги резко изменился. Ей захотелось сразу всего: косметики, нарядов, фарфоровую посуду, ресторанов, морских курортов и прочего, что подразумевается под красивой жизнью, тем более что денег на свадьбу набросали нам прилично. Однако в отличие от нее у меня никогда не было тяги к роскоши. Я был совершеннейшим аскетом, равнодушным ко всякого рода удобствам и роскошным вещам. Главным для меня в жизни было искусство.

Моя новоиспеченная этих взглядов не разделяла. Точнее, сразу после свадьбы резко переменяла их на противоположные и начала требовать от меня такое, чего я и вообразить не мог. Она оказалась упрямой, скандальной и истеричной. Таких самодурок я еще не встречал. Алиса из-за пустейшей мелочи могла закатить скандал на людях, а потом неделю не разговаривать. Сцены на людях – это самое ужасное. Мне всегда было стыдно. А ей все равно. После черноморского

курорта я стал тайно мечтать о разводе. Почему тайно, потому что, когда в Алуште я вслух намекнул о разводе, Алиса устроила такое, что меня до сих пор кидает в дрожь.

Шла третья неделя нашего пребывания в черноморском пансионате. Ни один день у нас не проходила без скандала. Среди полусонных курортников наша импульсивная пара привлекала всеобщее внимание. Как только мы приходили к морю и ложились на песок, сразу же те, кто нас знал, сворачивали свои подстилки и уходили на другой конец пляжа. При этом женщины морщили носы, а мужчины бросали на меня сочувственные взоры.

Но в то утро у Алисы было хорошее настроение. День был солнечный, тихий и ласковый. Море – сплошная лазурная гладь. Песок под ногами еще не успел раскалиться и очень приятно охлаждал ступни. Мы только что позавтракали и теперь сидели под соломенными шляпами в плетеных креслах, лениво шелуша земляными орехи. Время и настроение располагало поговорить в благодушных тонах. Тогда-то я и попытался объяснить, что я совсем не тот человек, за которого она меня принимает.

– Пойми, я человек искусства. Я работаю на вечность. На мне ответственность за духовное продвижение человечества. Понимаешь?

Она посмотрела на меня недоверчиво, сильно сомневаясь по поводу моей ответственности за духовное продвижение.

– Ты в этом уверен?

Я подавил в себе раздражение от этого пошлого вопроса, занесенного нам как сорняк из американских фильмов, и продолжил:

– Запомни, что только искусство способствует духовному продвижению человечества, только искусство. Только ему дано право останавливать мгновение, чтобы все увидели, как оно прекрасно. По этой причине греки и ваяли из мрамора человеческие тела, хотя натуральных тел в Афинах кишело кишмя. Но мрамор менее подвержен влиянию времени, чем человеческая плоть, хоть он также не вечен. И пусть не остановить, а слегка притормозить мгновение, вот такая функция была возложена на античных скульпторов. Тебе это ясно? После греков дух человечества движет Эпоха Возрождения. Перенос мира в двухмерное пространство был необходим для панорамного видения невидимых сфер. Прежде всего, нужно увидеть малое, чтобы понять великое. Кстати, и Лобачевский четырехмерное бытие математически доказал только после того, как оттолкнулся от двухмерного. Вот видишь? А импрессионисты показали, как в знойный полдень дрожит воздух... А до Мане англичане не знали, что туман над Лондоном не серый, а розовый...

– А зачем мне все это надо знать? – капризно перебила она.

– А затем, что я не намерен гробить жизнь на сиюминутные нужды. У нас с тобой никогда не будет особняка, машины, дачи, роскошной мебели, модной одежды, изысканной

еды. Мы никогда с тобой не будем богатыми!

– Будем! – брызнула она глазами. – Я не хочу жить в нищете. Неужели ты не заработаешь? Мужик ты или не мужик?

– Я не мужик, – улыбнулся я. – Я художник. У меня нет времени на всякую ерунду...

– Мой знакомый, – перебила она, – всего год работал на строительных шабашках и купил жене соболью шубу...

– Но пойми! – с отчаяньем вскрикнул я. – Этой шубе жизни пять, ну десять, ну, от силы двадцать лет. Года работы на нее – не стоит. За год я напишу такое, что будет жить вечно. Если ты не понимаешь этих соотношений, давай расстанемся! Найди себе мужика, который будет на тебя ишачить!

– Что? – вскрикнул она, и слезы брызнули из ее глаз. – Раз так, ты меня больше не увидишь.

Она схватила валявшийся на покрывале нож, которым мы намеривались разрезать арбуз, и занесла над своим запястьем. Я испуганно перехватил руку с ножом и прижал ее к себе. Она стала рыдать, а я принялся ее успокаивать, хотя успокаивать нужно было меня. Успокоившись, она произнесла упрямо:

– К осени мне нужно шуба...

– Купим, – произнес я скороговоркой, сдерживая зубную дрожь.

«Вот это вляпался, – с тоской подумал я. – Если мне удастся развестись, – это будет большая удача...»

Следователь В. А. Сорокин

Главбух «Симбир-Фарма» А. П. Лебедкина сегодня дала показания. Во вторник утром 27 июля она получила указание по телефону от А. П. Рогова переписать на счет Красногорского предприятия лекарственных трав полтора миллиона рублей. По ее словам, в это время в дверях ее кабинета уже стоял начальник отдела сбыта Красногорского завода Н. Г. Мордвинов. Договор был составлен и подписан обеими сторонами в двух экземплярах на стандартном бланке. Согласно ему, АО «Симбир-Фарм» за поставку товара из Красногорска обязалось перевести на счет завода полтора миллиона рублей в течение месяца. Конкретно, до 28 августа.

После этого Красногорцы с копией договора отбыли на родину, а Лебедкина, как она чистосердечно призналась, перевела эту сумму на счет своего родственника предпринимателя З. П. Лопухова. Ничего дурного, по словам бухгалтера, она не хотела. Присвоить эту сумму мыслей не было. За месяц держания на своем счету Лопухов обещал ей сто пятьдесят тысяч рублей. Родственник уверил, что 28 августа деньги уже будут в Красногорске. Лебедкина в недоумении. Она не ожидала такого развития событий. Лопухов всегда был человеком слова.

Самое любопытное, что деньги действительно 28 августа уже были в Красногорске, но не с утра, а где-то к восемнадцати часам, то есть приблизительно через полчаса после убийства Рогова и его сотрудников.

Пока по этому факту у меня нет никаких соображений.

Только что пришла из Москвы ксерокопия допроса наших красногорских друзей: начальник отдела сбыта Н. Г. Мордвинов и начальник службы охраны Л. С. Самойлов. Они признались, что 25 июля приезжали в наш город для разбирательства с инцидентом. По их словам, переговоры с Роговым ни к чему не привели. Они опробовали все варианты для разрешения конфликта миром и только после этого обратились за помощью к местным рэкетирам. Красногорцы предполагали подобное развитие событий и для этих целей привезли с собой двести тысяч рублей наличкой.

За эту сумму выбить деньги с Рогова взялись двое нигде не работающих спортсменов-тхеквандистов из Заволжского района П. Н. Загряжский и Л. Г. Пьяных. По договору, в их обязанности входили только предупреждения и устные угрозы. Ни о какой физической расправе речи не шло. Битье стекол в доме главы фирмы было инициативой спортсменов. Я склонен верить допрошенным. Дело в том, что в случае успеха, рэкетиром обламывалось по сто тысяч рублей, в случае неуспеха – только по двадцать тысяч.

Сегодня нами был задержан один из этих спортсменов П. Н. Загряжский. Он подтвердил, что о физической расправе речи не шло, но не подтвердил насчет битья стекол. Однако поклялся, что стекла бил Пьяных, а он сидел в машине. Также он

признался, что красногорцы честно рассчитались с ними за проделанную работу, вручив им наличными по сто тысяч.

Но вот интересный момент, который, на мой взгляд, играет ключевую роль в этой истории: Пьяных был недоволен оплатой и потребовал надбавки. В данный момент он еще не задержан. По словам жены, супруг ушел в понедельник утром (как раз 28 августа) и после этого не появлялся. Мы прочесываем все места, где он мог находиться. Думаю, это дело двух, трех дней.

А вот с деньгами, найденными в карманах убитых, полная неясность. Не думаю, что они имеют отношение к убийству. Лебединка уверяет, что эти деньги не из фирмы. Все отчетные и неподотчетные источники ей известны. У жены Рогова эта (сумма восемнадцать тысяч долларов) вызвала удивление. По ее словам, деньги на карманные расходы у мужа были, но не в таком количестве. В курсе она и о деньгах находившихся в сейфе. Это, по ее словам, загашиник на тот случай, если налоговая закроет счет. Откуда в карманах мужа эти деньги – она не знает. Еще большее недоумение у нее вызвали алмазное кольцо и рубиновые сережки. Муж не имел привычки покупать дорогие вещи ни жене, ни любовницам.

То же самое и с деньгами Петрова. Его жена уверена, что это не его деньги, и быть таких денег у него не могло. Что касается Клокина, то его семья в данный момент находится за границей, поэтому прокомментировать что-либо по этому вопросу, пока

некому.

P.S.

*Если в ближайшее время удастся задержать
Пьяных, это будет большая удача.*

31 августа 2000 года

12

«Это будет большая удача, если в ближайшее время мне удастся развестись...» – тоскливо пришло в голову. Я даже помню время и место, когда такая мысль впервые пришла мне в голову. Это было в Алуште в 1982 году в последний день лета в шестнадцать ноль ноль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.